

С.В. Листиков*

МИР БЕЗ РОССИИ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

11 ноября 1918 г. победой антигерманской коалиции завершилась Первая мировая война. Но среди победителей не оказалось вынесшей в 1914—1917 гг. тяжелые испытания и пролившей море крови ради торжества общесоюзнического дела России.

Она встретила окончание войны, подготовку и проведение конференции по подведению ее итогов в кровавом хаосе Гражданской войны. Страна оказалась разорванной на несколько частей. Центральную контролировали большевики, умело отбивавшие атаки многочисленных внешних и внутренних врагов, за год пребывания у власти доказавшие свою состоятельность. На окраинных территориях бывшей Российской империи возникли *de facto* правительства, от лица проживавших там народов добивавшиеся независимости от центра и уповавшие на поддержку этих требований правительствами Великих держав.

Кровавую, жестокую борьбу с большевиками с переменным успехом вели опиравшиеся на помощь союзников и США национальные силы, белые правительства Северной области, Омское, Екатеринодарское. К началу 1919 г. они, сражаясь за единую, суверенную Россию не смогли сплотить силы и оставались в глазах лидеров западных держав тремя наиболее крупными региональными центрами оппозиции большевикам. Со своей стороны, сторонники «белого дела» не могли принять сыпавшиеся на русских и Россию после вывода ее большевиками из войны со стороны антантовских и американских политиков, печати обвинений в предательстве. И речь шла не только о неоспоримом факте огромных жертв страны и народа во имя общей победы за два с лишним годом войны. Национальные силы остались верными союзническим обязательствам и отвергли Брест-Литовский мирный договор (март 1918 г.); уже не один месяц сражались вместе с войсками Антанты и США против «большевизма», распространения тлетворного влияния которого в Европе и за океаном столь опасались на Западе. А поскольку и Ленин, и его соратники и там, и их врагами в России воспринимались если не как союзники, то как сателлиты Германии, эти два фронта борьбы русских небошевистских сил и западных демократий фактически совпадали. Они выступали партнерами в решении тех проблем – охраны союзнических складов, содействия двигавшимся на восток для эвакуации чешским военнопленным, – которые были, в частности, названы Вашингтоном 3 августа 1918г. главными причинами посылки американских войск в Россию¹. Так что, в случае выдвижения белыми правительствами после завершения мировой войны претензий на представительство на будущей мирной конференции, они могли казаться логичными, нравственно обоснованными, обязывающими союзников принять положительное решение.

Предметом специального изучения тема представительства белых сил на Парижской мирной конференции еще не стала. Она, как правило, весьма скупо освещалась западными учеными, рассматривавшими различные аспекты обсуждавшегося «русского вопроса».² Более полно проблема дипломатии белых правительств была представлена в известных трудах Дж.Томпсона и А.Мейера.³ Утвердившаяся в советской историографии концепция Гражданской войны и интервенции анализа деятельности «контрреволюционных правительств», включая и дипломатическую, не поощряла; она нашла отрывочное и весьма тенденциозное освещение в ряде работ.⁴ Нынешний широкий научный и общественный интерес к судьбам Белого движения, русской эмиграции побудил исследователей к серьезному изучению их внешнеполитической деятельности. «Парижский» ее этап 1919 года, однако, пока не привлек должного, широкого внимания ученых; анализ его ограничен интересной диссертацией А.В. Шмелева.⁵

* Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Собравшиеся в Париже ведущие политики стран-победительниц прекрасно осознавали «вес» архисложного «русского вопроса» в общем объеме сопряженных с подведением итогов мировой войны проблем. Если не удастся найти к нему подходов, предрекал в начале 1919 г. британский военный министр У. Черчилль, «мы разъедемся из Парижа, радуясь победе, которая не стала победой, и миром, который миром не стал».⁶ Переплетение разных обстоятельств заставляло задумываться над тем, что избранный силовой путь решения «русской проблемы» следовало серьезно корректировать, что интервенция западных держав, с начала которой минуло полгода, «выдыхалась». Страны Западной Европы и США переживали подъем массового движения за вывод войск из России, его умело использовали оппозиционные левые партии (французские и итальянские социалисты, лейбористы в Англии); за океаном был отмечен рост изоляционистских настроений и влияния республиканской партии; английские и американские войска в России разлагались, заражаясь вирусом недовольства; по завершению мировой войны разумные оправдания пребыванию иностранных войск в России отсутствовали.⁷ Но главное – самим «верхам» западных демократий интервенция казалась предприятием все более бесперспективным. Большевики «крепко держались в седле», а неудачи белых сил все труднее было объяснить чем-то иным, кроме как неспособностью завоевать симпатии народа, отсутствием привлекательных для него программы и действий в важнейших вопросах, включая земельный. Со стороны общественного мнения, многих политиков западных стран на головы лидеров «белого дела» (Деникин – на Юге, Колчак – после ноябрьского 1918 г. переворота) все чаще сыпались обвинения в реакционных, «реставрационных» намерениях.⁸ По всем признакам, мирной конференции для стран Запада предстояло стать еще и «лабораторией» русской политики.

Между тем, перспективы успешного завершения войны и созыва мирной конференции осенью 1918 г. подтолкнула активность русских небольшевистских сил, считавших себя вправе претендовать на равное участие в ней в едином строю с победителями. Инициативу взяли на себя русские послы за рубежом, после октября 1917 г. в значительном большинстве своем не признавшие насилием захвативших власть новых хозяев Петрограда, рассматривавшие себя единственными законными представителями России, отвергнувшие Брест-Литовский мирный договор как предававший и интересы России, и союзников.⁹ Энергичные переписка и действия М.А. Стаховича (посол в Испании), М.Н. Гирса (посол в Италии), В.А. Маклакова (посол во Франции), И.Н. Ефремова (посланник в Швейцарии), Б.А. Бахметева (посол в США), К.Д. Набокова (посланник в Великобритании) и ряда других на протяжении 1918 г. формировали то «дипломатическое ядро», из которого в начале 1919г. выросло русское представительство на Парижской мирной конференции. Послы завязывали и укрепляли связи с центрами антибольшевистского движения на территории России для совместного отстаивания интересов «белого дела».¹⁰

Отметим, что произошедший 18 ноября в Омске, низвергший Директорию переворот, даже с учетом бурной негативной реакции в столицах западных государств, был воспринят русскими дипломатами не как событие, которое должно помешать формированию русского представительства в Париже. Б.А. Бахметев 30 ноября, подстрегаемый известием об отбытии в Париж президента США В. Вильсона, торопил коллег и предлагал конкретный план: «Считаю, что откладывать далее практическую работу по организации представительства недопустимо... единственное возможное решение при сложившихся обстоятельствах есть немедленная организация особенного «Комитета Национального представительства», который должен получить признание от центров Национального движения в России и от Дипломатического корпуса... В случае признания Правительства, орган этот получил бы официальные полномочия». «Обстоятельства заставляют действовать крайне решительным образом», – добавлял он.¹¹

Проблема персоналий для реализации этих планов в ноябре – декабре 1918 гг. утрясалась сама собой. По мере того, как Париж естественным образом превращался, в связи с предстоящей конференцией, в центр мировой политики, туда съезжались известные Западу русские дипломаты, политики, представители общественности и деловых кругов, чиновники и ученые. В Париже находятся А.И. Путилов, Мандельштам, А.И. Каминка, В.Н. Коковцев, А.П. Извольский – сообщал, в частности, Маклаков в телеграмме на имя Омского МИД от 23 ноября 1918 г.¹² Б.А. Бахметев считал необходи-

мым «при выборе лиц» остановиться на небольшом числе имен, «которые не встретили бы возражений ни с какой стороны» – учитывая политические предпочтения и личные качества. «Таковыми могли бы быть единственно князь Львов и генерал Алексеев. Это два лица, которые приемлемы для всяких Русских и союзников, олицетворяют собой Национальную Россию и в дальнейшем организуют вокруг себя Русское Представительство».¹³ Послание датировано 30 ноября 1918 г. До посла, видимо, еще не дошло печальное известие, что М.В. Алексеев скончался от болезни сердца...

Процесс формирования русского представительства шел в учащенном ритме, 4 декабря Маклаков сообщал Омску о консультациях, которые ведутся с участием послов в Лондоне и Риме (Набоковым и Гирсом), а также с Извольским и Коноваловым «по вопросу об организации». Складывалось мнение, что она должна представлять собой «коалицию», в которой «каждое течение политической мысли имело своих представителей». Конкретно посол в Париже называл имена В.Н. Коковцева, С.Д. Сазонова, А.П. Извольского, М.В. Родзянко, А.И. Коновалова, Г.Е. Львова; от левого крыла планировались Н.В. Чайковский, Н.Д. Авксентьев, С.Д. Прокопович. Единогласие решений такой коллегии с послом «обеспечит авторитет этих решений», – подчеркивал Маклаков.

Далее Василий Алексеевич добавлял, что установлен контакт с С.Д. Сазоновым.¹⁴ Действительно, по воспоминаниям А.И. Деникина в Екатеринодаре в ноябре 1918 г. для разработки вопросов будущего мира был создан Совет по делам внешней политики под председательством начальника управления иностранных дел в Особом Совещании С.Д. Сазонова.¹⁵ Главнокомандующий вооруженными силами Юга России поручил единолично представлять его бывшему царскому министру иностранных дел. А 29 декабря 1918 г. Маклаков сообщил в Омск: он получил от Сазонова информацию, что последний выезжает в Лондон и Париж, имея в виду объединить в своем лице «Представительство России на мирном Конгрессе», для чего должен получить полномочия Главнокомандующего добровольческой армией как от себя, так и по поручению краевых образований, стремящихся к восстановлению России – Дон, Кубань, Крым.¹⁶

Но, приехав в Париж, Сазонов застал там уже фактически созданное представительство – Русское политическое совещание. «Приезд Сазонова был встречен весьма не сочувственно: в парижских пробольшевистских газетах, под влиянием русских левых кругов, появились статьи по адресу «недобитого царского министра» и «нежеланного гостя»; Клемансо уклонился от приема Сазонова; члены Политического совещания стали настойчиво убеждать его, что имя его одиозно для французской демократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов разговаривать не станет... И Сазонов уступил без борьбы, войдя рядовым членом в состав Политического совещания, о чем я узнал много позднее», – сетовал Деникин.¹⁷

На таких началах все «как-то образовалось». 3 января 1919 г. Омское правительство предложило С.Д. Сазонову пост министра иностранных дел. А на следующий день Маклаков сообщил на имя Верховного правителя о создании в качестве «официального представителя на конференции» Русской политической делегации в составе: Г.Е. Львов (бывший председатель Временного правительства), С.Д. Сазонов (министр иностранных дел Омского и Екатеринодарского правительств), Н.В. Чайковский (председатель правительства Северной области), В.А. Маклаков (посол во Франции). 8 января 1919 г. Председатель совета министров Омского правительства В.П. Вологодский от его имени приветствовал этот шаг.¹⁸

Отметим, что интерес РПС и небольшевистских центров власти на территории России был взаимным. Через дипломатов в Париже, хорошо осведомленных о настроениях в Европе и США, развивались контакты со странами Запада, текла (пускай и сильно обмелев) и в лучшие времена далеко не полноводная река помощи белым силам. «Совещание оказывает России неоценимую услугу и тесный контакт с ним есть необходимое условие успеха нашего дела...», – констатировал Сукин в телеграмме Маклакову 11 апреля 1919 г. Со своей стороны, лидеры РПС прекрасно понимали, что само их существование напрямую зависело от военных побед белых сил, от финансовой помощи представительству в Париже.¹⁹

Организаторам совещания было изначально очевидно, что добиться серьезного отношения к себе со стороны государственных мужей держав-победительниц, благос-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

клонной оценки либеральным и социалистическим срезам общественного мнения было возможно лишь при одном непременном условии: следовало представить себя единым представительством национальных небошевистских сил, сумевшим подняться над политическими разногласиями. О возникших в связи с этим проблемах сообщал в начале января 1919 г. в донесении в Омск В.А. Маклаков: «Общественное мнение союзников требует выявления демократической программы центров государственного объединения России. Без этого не получим сочувствия требованиям признания Правительства и полноправности представительства. Выявление это нужно и в составе нашего совещания. Наше правое крыло значительно сильнее левого. Знаем Ваше отношение к Авксентьеву,²⁰ однако было бы трижды полезно присоединить его к Чайковскому». Это принесло бы успокоение «либеральной общественности всех союзников, особенно в Англии и Америке», стало бы доказательством «реального объединения политических деятелей всех течений во имя всепокрывающего патриотизма...».²¹

И действительно, в первые месяцы 1919 г. состав РПС в сравнении с первоначальными наметками обновлялся, казалось, приобретая сбалансированную, приемлемую для западных политиков политическую конфигурацию. Наряду с известными дипломатами: Б.А. Бахметевым, В.А. Маклаковым, М.Н. Гирсом, И.Н. Ефремовым, К.Н. Гулькевичем (посланник в Швейцарии) в него вошли бывшие царские министры иностранных дел С.Д. Сазонов и А.П. Извольский, бывшие премьер-министр и министр Временного правительства Г.Е. Львов и А.И. Коновалов, П.Б. Струве от кадетского Национального центра, от левых групп революционер-народник Н.В. Чайковский, от Союза возрождения России – С.А. Иванов и А.А. Титов, Н.С. Долгополов (член Кубанского Краевого Правительства), Б.В. Савинков. Главой организации стал Г.Е. Львов. Новые кандидатуры согласовывались с Омском. Приобщение Савинкова к работе РПС Маклаков мотивировал тем, что «французское общественное мнение встретило его очень сочувственно», его «позиция совершенно согласна с нами», у него много сторонников не только среди социалистов, но и демократических радикальных элементов, а также офицерства. А потому отсутствие Савинкова в рядах совещания могло получить неблагоприятное «политическое истолкование».²²

Некоторые кандидатуры в члены РПС отпали в силу серьезных обстоятельств. Прибывшего в конце 1918 г. в Париж П.Н. Милюкова «завернула» жесткая реакция французов, обвинивших его в сотрудничестве с немцами на Украине. К.Д. Набоков отказался от участия в совещании сам, в середине февраля в личном послании П.В. Вологодскому так объяснив свое решение: «Зная, что мы нуждаемся в материальной помощи, наши бывшие союзники склонны недостаточно щадить наше достоинство. И вот в этом отношении существует некоторое разногласие между мною и Парижским Совещанием, склонным еще и сейчас к смирению в доле, которую я признаю чрезмерною».²³

Однако, несмотря на все усилия, серьезно изменить изначально сложившийся у западных политиков образ РПС не удалось. Она воспринималась как организация, которая представляла интересы правительств и военно-политических сил на территории России, стоявших существенно «правее» либеральной и умеренно социалистической альтернативы. 20 февраля 1919 г. Г.Е. Львов в письме А.И. Деникину так представлял шкалу оценки белых правительств «по демократизму» общественным мнением союзных держав: «Первым стоит Архангельское. Оно не возбуждает сомнений в реакционности, главным образом, благодаря Чайковскому и потому, что оно не сильно и не так существенно».

Затем Омское, которое после переворота Колчака вызвало бурю негодования, но когда выяснилась позиция Колчака, опирающегося на демократическо-радикальные слои, все-таки с ним мирятся. Здесь нам в этом деле удалось рассеять сомнения.

Что же касается Южного, то оно прямо считается реакционным. В доказательство приводится все, что угодно: приглашение всех старого режима министров (?), наличие множества генералов, представительство Сазонова, отсутствие в составе правительства соц.-дем., отношение к Донскому Кругу и Краснову, коего, как антитезу Добровольческой Армии, выставляют как истинно демократическое начало, и, наконец, само офицерство, которое кутит и поет «Боже, царя храни».²⁴

Причем лидеры Великих держав готовы были в полной мере использовать не-

гитивный имидж белых правительств России в собственных интересах, для исключения России из числа полноправных участников «мирового концерта». Эта тенденция выявилась, в частности, во время встречи князя Г.Е. Львова и Д. Ллойд Джорджа 16 января 1919 г. Первый не сомневался, что полномерно представлявшее весь антибольшевистский фронт РПС может адекватно ответить на мучивший британского премьера вопрос: кого в Гражданской войне поддерживает русский народ? Однако это предложение на английского политика, уже имевшего собственное мнение, не произвело никакого впечатления.²⁵

Между тем, русские антибольшевистские силы изначально нацеливались именно на полноправное участие в работе конференции. В середине декабря министр иностранных дел Омского правительства Ю.В. Ключников обосновывал такой подход: «...нам не следует мириться с представительством не официальным. Последнее не имело бы никакой юридической силы для будущей России и знаменовало бы собой устранение России из числа субъектов международного права». Если союзники искренне желают видеть Россию «возродившейся и сильной, ими должно быть сделано все, чтобы не низводить ее до уровня «объекта посторонних соглашений», найти вариант принять на конференции единое представительство антибольшевистских правительств «без создания и признания всероссийской власти». Неофициальный характер русского представительства уже сам по себе являлся бы ответом на вопрос об отношении западных партнеров к России, «и ответом весьма неубедительным».²⁶ 4 января Маклаков сообщал в Омск о претензиях РПС и выделенной им делегации на равноценную с державами-победительницами роль на конференции: «Подаем союзникам заявление о признании Омского правительства всероссийским, и второе заявление о правах России на полноценное представительство. В нем говорим союзникам, что ни один вопрос не может быть рассматриваем в прелиминарных мирных переговорах без представительства России»; а она, в лице своих представителей, готова принять «участие в работах по мирным переговорам во всех их стадиях в полном их объеме».²⁷

Обретя самостоятельный, сильный голос на конференции, можно было отстаивать интересы отечества. 7 января в телеграмме в Омск К.Д. Набоков решительно возражал, чтобы по поводу возникших между русскими властями и Китаем разногласий (предмет спора назван не был) первые искали помощи у англичан. «Решается вопрос о нашем представительстве на конференции и мне представляется важным не слишком упорно прибегать к такого рода международной опеке наших интересов», – писал посол. Думается, в Лондоне, Париже, Вашингтоне все просчитали и создавать себе дополнительные сложности, допустив Россию на конференцию, не собирались. Просчитывая возможность такого неблагоприятного поворота, Набоков днем ранее предупреждал Омск: «Газетные сведения пока еще не подтвержденные официально заявлениями союзников указывают на то, что русская делегация на конференцию допущена не будет».²⁸

А между тем, после завершения войны в конце 1918 г. союзники, казалось, подавали ясные сигналы, что благосклонно воспринимают идею участия русских национальных сил в конференции по подведению итогов войны, и, в зависимости от обстановки, возможны варианты. 27 ноября 1918 г. Ю.В. Ключников сообщил в Рим содержание телеграммы, полученной Советом министров Омского правительства из Владивостока: во время приема депутации граждан этого города командующий союзными силами в Сибири французский генерал М. Жанен заверил, что, если не образуется «общепризнанная всероссийская власть», представительство России может осуществляться послом Маклаковым, «может быть также допущено представительство Сибирского правительства. Франция смотрит на Россию как на большую большевизмом сестру».²⁹

Не исключено, что мнение находившегося на месте событий, в России, французского военного значительно отличались от позиции ведущих западных политиков. В преддверии мирной конференции проблема русского представительства серьезно будоражила их умы, представлялась им сложной, предполагавшей выбор одной из альтернатив. О них, в частности, размышлял президент США В.Вильсон в письме к госсекретарю Р. Лансину 20 ноября 1918 г.: «Осуществимо ли, с точки зрения нынешнего, по крайней мере, временного расчленения России на пять частей – Финляндия,

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Балтийский провинции, европейскую Россию, Сибирь, Украину – дать России представительство за столом мирных переговоров, или допустить (на конференцию – С.Л.) часть ее, признав Омское правительство и приняв его представителей?».³⁰

Нам и ранее доводилось цитировать эти слова, и возвращение к ним не случайно. В. Вильсон был политиком весьма скрытным и опасливым, не допускавшим в «лабораторию» своих идей даже ближайших советников, как губка впитывавшим их мысли и спустя время выдававший решение как результат некоего озарения свыше. А потому любой текст вроде приведенного выше, доверенный бумаге, дорогого стоит. К тому же этот пассаж вместил в себя все колебания и размышления, посетившие неординарного заокеанского политика.

В самом деле, стоило ли вообще пускать русских на конференцию, мотивируя отказ, к примеру, запутанностью ситуации у них в стране в связи с обстоятельствами Гражданской войны? Если принять положительное решение, то не следует ли допустить на конференцию представителей всех наиболее влиятельных сил и правительств, сражавшиеся на бескрайних просторах бывшей Российской империи и в совокупности контролировавших ситуацию на ее территории? Дальнейшее развитие вильсоновской мысли вело к выводу, что следует поддерживать контакты (пускай на неформальном уровне) с этими «частями» расколотого «единого целого», особенно с теми, которые проявляли готовность к диалогу с западными демократиями.

Наконец, какой вариант отношений следовало избрать в отношениях с партнерами по антибольшевистской борьбе, с белыми правительствами? Стоит ли признать Омское правительство как региональное (Сибирь) и допустить его представителей на мирную конференцию в таком качестве? Или признать его общероссийским – чего, собственно, добивалось РПС – и опять-таки допустить его посланцев на конференцию? Или ограничиться неформальными контактами с русскими представителями в Париже, принимая во внимание их точку зрения настолько, насколько это не задевало собственных интересов держав-победительниц?

Отметим, что на протяжении 1919 г. их лидеры как бы «перебирали» один вариант за другим, «отбрасывая» не сработавшие. В официальном представительстве Советом десяти России было единодушно отказано, хотя дискуссии 12, 16, 20 и 21 января на его заседаниях выявили немалое расхождение позиций. Ж. Клемансо был подчеркнута резок, припомнив России «грех предательства» союзников и заявив, что этот мир к России отношения не имеет. Впрочем, министр иностранных дел Франции С. Пишон готов был в частном порядке выслушать собравшихся в Париже представителей белых сил – «Львова, Сазонова и других, включая социалистов». С этой позицией солидаризовался и министр иностранных дел Италии Соннино, весьма скромно державший себя при обсуждении «русского вопроса».³¹

Позиция В. Вильсона Д. Ллойд Джорджа была менее эмоциональной, но более обоснованной. Англо саксонские лидеры, признавая устойчивость большевистского режима, исходя из установившегося на начало 1919 г. соотношения сил враждовавших правительств, предложили пригласить представителей всех их принять участие в обсуждении и решении «русской проблемы». Британский премьер на заседании Совета десяти 12 января откровенно заявил: возможно, что большевики и не представляют мнения России. Но уж Львов и Савинков его точно не представляют.³²

Пишона и Клемансо аргумент «проглотили», Маклаков объяснял причину стоворчивости: французы искали расположения англосаксов для решения собственных задач. Хозяева конференции, однако, решительно возражали, чтобы «русская проблема» с участием большевиков обсуждалась в Париже. В момент, когда народы Европы «не остыли» от разочарований, тягот и потерь войны, были пронизаны радикальными, социалистическими идеями и доктринами, вояж проповедников «мировой революции» в сердце Старого Света мог еще более накалить ситуацию.³³ Вильсон и Ллойд-Джордж, не во всем разделявшие эти страхи, ради сохранения союзнического единства пошли на компромисс. Вильсон на заседании Совета десяти 22 января 1919 г. Предложил собрать самостоятельную конференцию по «русскому вопросу» на Принцевых островах в Мраморном море с участием наиболее значимых участников Гражданской войны, которые не ограничатся выражением мнений, но и, при «посредничестве» Великих держав, попытаются остановить кровавую междоусобицу.³⁴

Инициатива Вильсона и Ллойд-Джорджа, учитывая бескомпромиссность борьбы

в России, могла на первый взгляд показаться наивной попыткой «примирить непримиримое» и на этой основе нащупать то представительство России, с которым западные демократии могли бы вступить в диалог. На деле это была тонкая, умная дипломатическая игра тех, кто столкнулся с нараставшей оппозицией интервенционистскому курсу в России. Согласие большевиков на участие в конференции давало западным политикам шанс, согласно изложенному на упоминавшейся встрече с князем Львовым Д. Ллойд Джорджем замыслу, устроить над ними едва ли не показательный процесс (trial) за деяния, совершенные с момента захвата власти. Наоборот, отказ Москвы от встречи с представителями Белых правительств позволил бы Ллойд Джорджу и Вильсону сказать общественному мнению в своих странах: сами видите, сколь непримиримы «товарищи», даже разговаривать не хотят. А такой исход давал сильный аргумент в руки решительных сторонников интервенции вроде У. Черчилля, открывал дальнейшие возможности поддержки белых сил. Прозорливые большевики, однако, выбрали из двух зол наименьшее и согласились приехать (заявление советского правительства от 4 февраля).

А вот непримиримая, резко отрицательная позиция Омского, Екатеринодарского, Северного правительств (совместное заявление 12 февраля 1919 г.), поощряемая французами, сорвала инициативу лидеров англо-американских демократий. Причем последние расценили отказ белых правительств встретиться с большевиками как свидетельство отсутствия гибкости, неспособности понять и поддержать маневры западных партнеров.³⁵ Белые дипломаты, однако, гнули свою линию, считали, что погубили «опасный эксперимент». В их размышлениях была своя правда: путь диалога с большевиками, на который вступал запад, мог в обозримом будущем привести к признанию советского правительства (на что указывал, в частности, русский поверенный в делах в Голландии Г.Г. Бах). Набоков 28 января комментировал: «Твердо верю, что эта неудачная попытка разрешения вопроса об участии России на конференции не встретит сочувствия большинства сознательной общественности в Англии». И даже если бы русские дипломаты за рубежом «...и сочли возможным не поддаваться чувству оскорбленного национального самолюбия и способны были найти предложение Конференции практически применимым, я убежден, что сознательная Россия от нас единодушно отреклась бы».³⁶

И все же «линия Принкипо» не умерла, получив развитие в тайной миссии в Москву члена американской делегации на Парижской мирной конференции, эмиссара Вильсона и Ллойд Джорджа У. Буллита (апрель—май 1919 г.), плане гуманитарной помощи населению России, предложенном известным норвежским полярным исследователем Ф. Нансеном (апрель—май 1919 г.). В обоих случаях сопротивление могущественных властных кругов западных держав срывало завязывавшийся было диалог с большевиками.³⁷

Тем не менее, усилившийся «большевистский» крен в политике ряда ведущих деятелей западных держав был налицо. И он становился тем важным «кирпичиком», который лишь укреплял все увеличивавшуюся стену отчуждения, разделявшую русских дипломатов и политиков в Париже и Омске с их западными коллегами. Первые продолжали считать себя представителями Великой державы, временно утратившей силу и влияние в делах международных, и с трудом сносили те чувства унижения и оскорбления национального достоинства, которые они испытывали при виде закулисных интриг победивших демократий и столь быстрого забвения ими заслуг России в кровавую годину войны. И все же лидеры РПС вынужденно снижали «потолок» завышенных ожиданий касательно своего участия в конференции. Уже 16 января посол в Лондоне Набоков извещал Верховного правителя: по его сведениям «другие Правительства» якобы отвергли ходатайство о допуске «на конференцию, в числе других, русских делегатов с совещательным голосом».³⁸

И тем не менее, они использовали любую возможность, чтобы донести до Держав голос России. Приглашение на заседания высших органов конференции было событием исключительным: Н.В. Чайковский присутствовал на Совете четырех 10 мая 1919 г., где обсуждалась проблема условий признания Омского правительства. С.Д. Сазонов упоминал об участии своем, Гирса и Маклакова в дискуссии на заседании Парижской мирной конференции вокруг бессарабского вопроса – «единственном, в котором делегация принимала участие за все время своего существования». 14 мая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Дмитриевич в телеграмме на имя Управляющего МИДом сообщал: «По просьбе Мирной Конференции я был сегодня с Маклаковым в Комиссии по польским делам, где мы изложили взгляд на необходимость придерживаться этнографического начала при определении будущих границ Польши». В неформальных личных встречах, особенно с французами, С. Пишоном, у лидеров Русской политической делегации Львова, Маклакова, Сазонова недостатка не было. Имели место и ценные с точки зрения развития контактов и политической разведки вояжи в соседние европейские страны. Вернувшись из Англии, Сазонов 1 июня докладывал в Омск: «Вынес самые лучшие впечатления из десятидневного пребывания, где видел государственных и общественных деятелей, был принят в частной аудиенции королем и имел дважды собеседования в Парламенте с группами депутатов разных партий».³⁹

Впрочем, официальная версия отказа русским в представительстве в устах западных коллег чаще всего звучала дипломатично, мягко: в России еще не сложилось общенационального правительства, пользующегося народным доверием настолько, чтобы завершить междоусобицу и добиться долгожданного умиротворения; которое выступило бы преемником существовавшей до ноября 1917 г. законной власти и приняло бы на себя финансовые обязательства перед союзниками. Чтобы посадить за стол переговоров лидеров РПС, сначала следует признать Омское правительство. А это невозможно, поскольку оно «не достаточно сильно, чтобы его можно было считать представителем всей России», – строил С. Пишон на заседании Совета десяти 12 января цепь рассуждений.⁴⁰ Учитывая ее, К.Д. Набоков в послании Колчаку 16 января 1919 г. осмелился дать совет «...настаивать перед Английским правительством на том, что Омское правительство всеми здравыми и честными людьми признается, не как местная администрация, а как Всероссийское Правительство, в состав которого входят на правах полного единомыслия Южно-Русское и Северное, и на том, что чем дольше Великобританское Правительство будет закрывать глаза на быстрый процесс возрождения национальностей России, тем непоправимее скажется ущерб, нанесенный такой политикой Англии нашим отношениям с ней в будущем».⁴¹

Перспектива вывести русское представительство на иной, более качественный уровень забрезжила в апреле-мае, когда провалились попытки западных политиков завязать контакты с большевиками, а успешное наступление армии Колчака (с начала марта 1919 г.) возродило надежды на победу белых сил и поставило перед западными политиками вопрос о признании Омского правительства. Вопрос о том, признавать ли правительство Колчака, и если «да», то в каком качестве: как региональное (распространявшее власть на подконтрольные территории) или общенациональное поднимался во время дискуссий на заседаниях Совета четырех 23 и 24 мая и Вильсоном, и Ллойд Джорджем, но так и остался открытым.⁴² В Париже явно «тянули» с решением, наблюдая за развитием событий на фронте.

Между тем, вопрос о признании Омского правительства (что вполне могло привести и к приданию нового статуса русскому представительству в Париже), оказанию ему помощи увязывался Державами с выполнением им ряда условий соответствия «стандартам» западных демократий. Информирова о них МИД 27 мая, Сазонов выделил два блока проблем. Первый касался будущей демократической организации власти (выборов в Учредительное собрание, а также проведения городских и земских выборов, отказа от классовых привилегий, и ряда иных); второй – национально-территориального устройства (принятие для установления границ с Польшей и Финляндией третейского суда Лиги наций, ее содействия при решении вопроса о существовании и границах Эстонии, Латвии, Литвы, обязательство России вступить в эту международную организацию).⁴³

Отметим, что если первая часть серьезных возражений в Омске не вызвала, то в отношении второй части возникли принципиальные разногласия. И в проекте ответа Сазонова Державам (от Зиюня), и еще более абстрактном ответе А.В. Колчака (днем спустя) в вопросе об отношениях «центра» и территорий, ранее входивших состав Российской империи, приоритет отдавался решению будущего Учредительного Собрания, а также двусторонним непосредственным переговорам. И лишь в случае их провала предусматривалось, как весьма гипотетическое, «дружное содействие» Лиги наций, «если Россия будет в ней участвовать». А на это соглашались лишь на равных с пятью великими державами условиях.⁴⁴

Послание Колчака было в целом благосклонно принято Державами. От формального признания Омского правительства они воздержались, но вместе с тем, заявили о намерении предоставить белым правительствам материальную и военную помощь. И.И. Сукин свидетельствовал, что документ, врученный 16 июня Верховному правителю французским поверенным в делах в Омске графом Д. Мартелем, было встречено спокойно, «...с безразличием, которое характеризуют общее отношение Правительства к вопросу о признании». А вот «открытая декларация Пяти Держав, в том числе и американской, о поддержке Адмирала Колчака», была воспринята как исключительно ценная. Сукина интересовала практическая сторона дела: можно ли рассчитывать на «...приток снаряжения из Америки, открытие кредитов в иностранной валюте, предоставления сколько-нибудь значительного тоннажа для перевозок и т.д.».⁴⁵ Думается, проблемы признания Омского правительства, его представительства в Париже и материальной помощи ему были увязаны в один тугий узел. И не случайно западные державы остановились на полпути к признанию Омского правительства. Тонко прочувствовавший ситуацию Н.В. Чайковский в докладе Временному правительству Северной области (1919 г.) констатировал: «Незавершенность дела о признании Всероссийского Правительства остается поныне огромным препятствием на пути государственного строительства России».⁴⁶ По мере того, как адмиралу изменял военный успех, перспективы признания Омского правительства таяли, как и помощь западных держав.

Положение РПС, весьма зависимое от динамичной борьбы в России, менявшегося соотношения сил на Парижской мирной конференции, оставалось шатким, неопределенным. И в то же время, питая надежды на лучшее, лидеры совещания все более ощущали себя полноправными представителями национальных сил за рубежом. Деятельность совещания обеспечивали Управление делами (В.В. Вырубов) и канцелярия, контроль осуществляла ревизионная комиссия (И.Н. Ефремов). Дипломатическая отрасль была выделена в особую комиссию из послов при союзных державах под председательством С.Д. Сазонова. Дипломатическая комиссия определяла направления работы Политического отдела при совещании, ядром которого стала важнейшая Политическо-юридическая комиссия. Деятельностью последней, взявшей на себя подготовку важнейших документов, заведовал Б.А. Бахметев (его помощник – М.Ф. Шиллинг). Финансово-экономической комиссией руководил А.Г. Рафалович, при ней был создан Отдел гражданского снабжения под руководством С.Н. Третьякова. Среди подготовленных РПС принципиальных деклараций, меморандумов, записок, представленных на рассмотрение высших органов мирной конференции, направленных союзным правительствам, для печати были документы: о национальностях (9 марта), о целях национального движения (15 апреля), о русских требованиях для включения в мирный договор с Германией (9 апреля), об управлении Сибирской и Восточно-Китайской железной дорогами (19 апреля), о мирном договоре с Турцией (5 июля), о концессиях в России (26 апреля), по бессарабскому (22 марта), польскому (9 апреля), финляндскому (8 мая), австро-венгерскому (10 мая) вопросам.

А.И. Деникин свидетельствовал: «В подведомственные отношения и в финансовую зависимость от Политического совещания стали также учреждения ген. Щербачева, который взял на себя представительство, кроме армий Юга, еще и Восточной и Западной (Юденича). Кроме штаба, его организация состояла из отдела заготовок и снабжений (ген. Гермониус), отдела, ведавшим личным составом русских военнопленных и бывших во Франции русских бригад (адм. Погуляев), и военно-исторического и статистического комитета (ген. Палицын). Содержание этих учреждений стоило Совещанию 125 тыс. франков ежемесячно, деятельность же по многим причинам была весьма ограничена. Для Юга, по крайней мере, мало ощутима». Популяризацией деятельности РПС занималось агентство Русской патриотической печати Унион. Запрашивая Омск о немедленной финансовой подпитке его деятельности (до 250 тыс. франков в месяц), Маклаков 6 июня сообщал: организацией управляет комитет из Савинкова, Чайковского, Коновалова, Трепова, Извольского, Бурцева, Струве. «Результаты значительны»: выпускаются брошюры, издается газета Бурцева «Общее дело», во французской прессе, а также английской, американской, итальянской, чешской, сербской размещаются многочисленные материалы.⁴⁷

Превращение РПС в разветвленную, солидную, расширявшую круг своей дея-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

тельности организацию могло казаться ее организаторам вполне органичным и обоснованным, а критикам – процессом создания неоправданно громоздкой бюрократической структуры с явно завышенными претензиями на роль едва ли не «правительства за рубежом». Самостоятельность действий и мнений РПС, не всегда совпадавших с позицией белых правительств внутри России, вызывали постепенно накапливавшееся и прорывавшееся наружу раздражение Омска и Екатеринодара. И.И. Сукин в марте передавал Сазонову эмоциональную реакцию Верховного правителя, посчитавшего непонятными «...роль и задачи Политического Совещания, которое все время расширяется и тем самым начинает расходиться с необходимым в настоящее время принципом централизации и объединения политической деятельности в круге ограниченного числа лиц, которые могли бы быть уполномоченными Российского Правительства». Парижским политикам из Омска давали ненавязчиво понять, что следовало бы больше учитывать компетентное мнение, вырабатывавшееся на востоке России по делам международным, хотя своих проблем и не скрывали. В конце января Маклаков получил информацию из МИД: в Омске создано Особое Совещание по подготовке вопросов мира, рассматривавшее вопросы проливов, польского и чешского, программу Вильсона. Работа затруднялась «недостатком материалов и сведущих людей».⁴⁸

Сазонов отвергал упреки, в середине марта убеждал колчаковское правительство, что РПС знает свою роль и место и что его деятельность – показатель «достигнутого объединения русских Государственных и общественных деятелей разной политической окраски, связанных общим стремлением работать над возрождением России...», что он лично считает «неправильным превращение этого Совещания в своего рода зарубежное Правительство... Я вместе с тем стараюсь укрепить во всех сознание, что Омское правительство является той Центральной Государственной властью, вокруг которой должны объединиться разнородные ныне части России».⁴⁹

Если уж Омск, с которым РПС постоянно поддерживал доверительную связь, выражал недовольство, то А.И. Деникин имел веские основания на более жесткие суждения. Он отметил, что русские дипломаты в Париже до минимума ограничили с Югом контакты и его фактически не представляли: «С парижским политическим совещанием я не сносился. Официальные отношения между управлением иностр. дел Юга и Сазоновым хотя и продолжались, но существенного значения не имели... И так до осени 1919 г. иностранные державы держали при командовании Юга исключительно военные миссии, то, естественно, многие вопросы проходили мимо нашей дипломатии, разрешаясь, главным образом, мною совместно с председателем Особого Совещания и отчасти начальником военного управления». Среди причин напряженных отношений с Парижем Главнокомандующий вооруженными силами Юга России называл непризнание Екатеринодаром руководящей роли за Политическим совещанием, его ориентацию на Омск в силу успехов Восточных армий в начальные месяцы 1919 г. (в то время как время побед Добровольческой армии пришло позднее), весьма неприглядный образ Екатеринодарского правительства в глазах западных политиков. «Считая себя органом всероссийского значения, Совецание заняло самодавляющее положение и в отношении иностранцев, и в отношении представляемых им сил, стараясь руководить действиями последних. Не знаю, как отнеслось к этому Омское правительство, но Южное – отрицательно».⁵⁰

Недовольство Деникина РПС вылилось на страницы его письма Колчаку 16 июня, переданному через посла в Греции Е.П. Демидова: «Оторванность нашего Представительства от родины порождает иногда расхождение во взглядах, имеющее место особенно в отношении Русского Политического Совещания в Париже, идущего подчас в разрез с нашими мероприятиями и не могущего быть истинным показателем взглядов Правительства, полагал бы желательным после подписания мира и окончания работы Парижской мирной конференции, приезда С.Д. Сазонова в Россию для ознакомления с положением и получения новых директив». На Юге России видели задачи русского зарубежного представительства куда более скромно, чем их определяли себе лидеры РПС, в рамках «...осведомленности Русского Правительства о заграничных настроениях и выступления за границей по поручению правительства. Нет сомнения, что правильная деятельность всего дипломатического аппарата возможна лишь при слиянии Правительства юга и востока, которое наступит тот час после соприкосновения армий и установления фактической связи».⁵¹

Пропитанные атмосферой дипломатических баталий в Париже, от южнорусского правительства отвернулись даже те, кого Деникин отправил в Париж представлять свои интересы – Сазонов и ген. Щербачев. С другой стороны, проливавших кровь в сражениях с «красными» офицеров и генералов не могло не коробить при мысли о том, что очень далеко, в охваченном эйфорией мира и победы Париже сытые и благопристойные господа, дипломаты и политики, плохо представляющие себе месиво братоубийственной войны в России, неспешно несут на себе «тяжелое бремя» представительства национальных интересов.

Совсем не способствовали успеху работы РПС ни его внутренний микроклимат, созданный сотрудничеством в нем разных по общественно-политическим взглядам политиков, ни внешняя среда его обитания – враждебные действия оставшейся за его стенами левой русской общественности, давление союзников. «Один из видных участников Совещания» (А.И. Деникин имени не называл) размышлял: «Так как союзники требуют от нас «демократизма», а некоторые русские элементы здесь и все инородцы только и делают, что доносят союзникам на «антидемократизм» русского национального движения, и в частности Парижского Политического Совещания, то мы все, каковы бы ни были наши политические убеждения, вынуждены считаться с этой атмосферой. Но для одних это – внешняя неотвратимая обстановка, в которую в силу исторического несчастья вдвинуто дело восстановления России, для других это – желанная поддержка их собственных «левых» aspirations, которые, как это они не могут не чувствовать, потерпели позорное фиаско». А потому автор «Очерков Русской смуты» развивал эту мысль: «Союзники терялись в тех противоречивых до крайности мнениях, которые исходили от русской эмиграции»; вести дипломатические сражения за будущее России приходилось среди «...взаимной ненависти, непонимания, наветов и обличений друг друга в самых тяжких, не только политических, но и уголовных преступлениях».⁵²

Особенно усердствовали левые. А.Ф. Керенский, А.А. Аргунов, О.И. Минор, В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев и ряд других 14 мая обратились к президенту США с призывом воздержаться от помощи стремящимся к установлению военной диктатуры силам Юга, Севера и Востока России, от признания правительства Колчака. Выступление было почти мгновенно услышано Вильсоном, усиливало его сомнения в целесообразности поддержки «белого дела». Уже 16 мая президент через Госдеп поручил послу в Японии Р. Моррису подробно разузнать о людях из ближайшего окружения адмирала, а также сообщить свое мнение, достаточно «силен и либерален» Колчак, чтобы противодействовать давлению правых.⁵³

Учитывая перечисленные обстоятельства, реагируя на недовольство Омска и Екатеринодара, лидеры РПС летом 1919 г. начали сворачивать свою деятельность. «Кончина» его переполоха не вызвала, этот процесс благопристойно обосновывался необходимостью «реорганизации» представительства за рубежом в связи с утверждением и оформлением власти Омского правительства в качестве общерусского. Сообщенный 28 июня Маклаковым в Омск и поддержанный Львовым, Сазоновым, Чайковским проект реорганизации совещания предусматривал для работавших в нем, согласно русской традиции, «мягкую посадку», позволявшую остаться при теплых представительских местах. По замыслу «четверки» лидеров РПС, само совещание, его комиссии упразднились, заменялись Главноуполномоченными по отдельным ведомствам, назначенными Правительством и ответственными перед ними. Трое глав заграничных ведомств: внешнеполитического – Сазонов, военного – Щербачев, торговли и финансов – Третьяков были определены. На пост руководителя Продовольственного предлагался граф П.Н. Игнатъев; предполагалось, что еще одно ведомство должно было озаботиться проблемой транспорта. Политическая делегация предполагала сохранить себя. Причем, по мысли создателей проекта, за ней следовало оставить весьма широкие полномочия: она «...в виду требований международной политики, должна быть в курсе работы Главноуполномоченных. Делегация имеет право надзора и приостановления исполнения решения для представления Правительству, но не несет сама никаких исполнительных функций... Кроме того, предполагается создать Совет крупнейших специалистов с совещательным голосом по вопросам финансовым и промышленным. По окончании Мирной Конференции Главноуполномоченные продолжают работу в контакте с Послом». 31 июля из посольства в Париже была отправ-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

лена телеграмма, извещавшая Омск о прекращении работы РПС.⁵⁴

Русская политическая делегация продолжала действовать. По ходу дальнейшей работы мирной конференции она документами пыталась привлечь внимание союзных держав и США к точке зрения русских национальных сил по наиболее актуальным для них проблемам; не избежала острых внутренних разногласий (Сазонов столкнулся оппозицией более левых ее членов – Львова, Чайковского, Савинкова), дискуссий с Омским правительством об объеме своих полномочий.⁵⁵

В целом, работу Русского политического совещания трудно оценить как успешную. Но и принижать ее значения не следует. Контакты лидеров РПС с западными политиками действительно были ограничены уровнем неофициальных встреч. Мотивы, которыми руководствовались русские дипломаты, принимая эту в целом неравноправную, малоприятную, если не сказать унижительную, для них модель общения с партнерами убедительно объяснил В.А. Маклаков: «Длительное отсутствие России в международных совещаниях может создать привычку разрешать политические вопросы без нашего участия, поэтому воздержание с нашей стороны от всяких заявлений не целесообразно». ⁵⁶ А ведь ссылка на неосведомленность с точкой зрения представителей России или даже отсутствие таковой могла быть легко использована западными партнерами для того, чтобы обосновывать принятие невыгодных для отечества решений. Вот почему заслуги совещания посчитал необходимым особо подчеркнуть А.И. Деникин, находившийся с его лидерами в весьма сложных отношениях: «Было бы ошибочно и несправедливо, однако, отрицать значение этой «декларативной» работы русского парижского представительства: среди разноязычной толпы могильщиков России, для которой они изобрели эпитет «бывшей», среди громкого голоса «наследников», деливших заживо ее ризы, нужен был голос национального сознания, голос предостерегающий, восстанавливающий исторические перспективы, напоминающий о попраных правах русского государства». ⁵⁷

Так что русские дипломаты работали с «заделом», на перспективу, надеясь «вернуть должок» западным державам тогда, когда Россия поднимется с колен и сможет использовать тот факт, что мнение ее представителей в Париже в расчет или не принималось, или принималось явно недостаточно. Еще в ноябре 1918 г. министр иностранных дел Омского правительства Ю.В. Ключников, отмечая, что вдали от России нельзя и представить себе, с какой стихийной силой совершается процесс «возрождения нашего национального самосознания», предупреждал западных партнеров: «неполучение Россией должного места за столом конференции неизбежно грозит в будущем самыми серьезными политическими последствиями», союзникам Россия «никогда не простила бы определения ее судьбы без нее из-за причин временных...». ⁵⁸ Думается, что и в Москве не могли не учитывать, что обсуждение на Парижской мирной конференции важнейших международных проблем, их решения, во многом ущемлявшие интересы возникшего на обломках российской империи советского государства, проходили без участия его представителей. Со временем новая Россия могла предложить решавшим ее судьбу в Версале державам свои «контраргументы и контрпретензии».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об интервенции США в России, ее целях и дипломатическом прикрытии см.: *Мальков В.Л.* США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917—1933 г.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125—136; *Kennan G.* The Decision to Intervene. Princeton, 1966; *Maddox R.* The Unknown War With Russia. Wilson Siberian Intervention. San Rafael, 1977; *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism. Chapel Hill; L., 1995., etc.

2. См.: *Д. Дэвис, Ю. Трани.* Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М., 2002. С. 308—388; *Gardner L.* Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. N.Y., 1984. P. 233—236, 250—253, 267—269; *Mc Millan M.* The Peacemakers. The Paris Peace Conference and Its Attempts to End War. L., 2002. P. 76—91.

3. *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 62—81, 125—126; 250, 261—262, 268—277, etc; *Mayer A.* Politics and Diplomacy of

Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. L., 1968. 289—296, 414, 432—433, 483, 816—817.

4. *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926. С. 102—103, 221—239; *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 122—124, 174—175, 195—196; и др.

5. *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно секретно и доверительно! Б.А. Бахметев – И.А. Маклаков. Переписка. 1919—1951». В 3-х томах. Т. 1. М.—Стэнфорд, 2001. С. 57—79; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М., 2004; *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 56—91, Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918—1919 гг.) Дис. канд. истор. наук. М., 1995.

6. *Gardner L.* Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. NY etc., 1987. P. 233.

7. Среди многочисленных свидетельств приведем лишь мнение Д. Ллойд Джорджа: «Организованные рабочие с определенной симпатией реагировали на приход к власти пролетариата в России и страстно желали перемен повсюду, особенно смены господствующего класса. Эти настроения, усугубляемые искренним отвращением ко всякой новой войне, были настолько сильны, что, если бы мы приостановили демобилизацию и начали переброску войск из Франции в Одессу или Архангельск, вспыхнул бы мятеж» (*Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 277).

8. На это неоднократно указывал в донесениях в Омск русский посол во Франции В.А. Маклаков. 5 апреля он, в частности, признавал: «Против правительства давно ведется упорная компания под предлогом реакционности... Кампания ведется деятельно против нас, как Ваших представителей» (*В.А. Маклаков* – на имя Министра иностранных дел. 5 апреля 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л.40).

9. Менее чем за месяц после Октябрьской революции Заграничный корпус российского МИДа определил позицию и создал временную, до оформления «приемлемого» правительства, форму существования – координационный центр в виде совещания послов. Посол М.А. Стахович в январе 1918 г. от имени посольства передал правительству Испании протест против Брест-Литовского мирного договора; еще в ноябре его отмена значилась первой в списке направленных на защиту интересов России мер, письменно сообщенных Б.А. Бахметевым американскому правительству; В.А. Маклаков решительно протестовал в январе 1918 г. против признания французским правительством независимости Финляндии (См.: *Кононова М.М.* Русские дипломаты в эмиграции и проблема территориальной целостности России (1917—1940) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М., 2006. С. 169—170; *Миронова Е.М.* Указ. соч. С. 61—70).

10. См. подробнее: *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 45—57; *Миронова Е.М.* Указ. соч. С. 68—73. Уже в ноябре 1917 г. в Париже Маклаковым, Гирсом, Набоковым, Стаховичем и Ефремовым был образован координационный орган – Совет Послов. Отметим, что Б.А. Бахметев, в будущем сыгравший, несомненно, одну из ключевых ролей в организации Русского политического совещания, осенью 1918 г. завязал связи с Уфимской директорией и направил для связи с антибольшевистскими силами на Востоке России секретаря российского посольства в США И.И. Сукина (впоследствии занявшего пост тов. Министра иностранных дел Омского правительства). Так что голос весьма квалифицированно разбиравшегося в вопросах внешней политики Вашингтона «американского блока» русской дипломатии в диалоге Омск – Париж был слышан весьма отчетливо.

11. Б.А. Бахметев – И.И. Сукину. 30 ноября 1918 // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 9.

12. Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. 23 ноября 1918 // Там же, л. 8.

13. Б.А. Бахметев – И.И. Сукину. 30. XI. 1918 // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 263. л. 10.

14. Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. 4 декабря 1918 г. // Там же, л. 18.

15. В состав Совета также должны были войти А.А. Нератов, М.М. Винавер,

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

П.И. Новгородцев, Г.Н. Трубецкой, Г.А. Казаков (*Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 3 кн. Кн. 3. Т. 4. М., 2003. С. 341*).

16. Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. 29 декабря 1918 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 156. Отметим, что общего представительства не получилось. Власти Дона и Кубани, отстаивавшие свою самостоятельность и автономию, с большими сомнениями, неохотой воспринимали идею. Кубань прислала собственную делегацию из пяти человек – Быч, Савицкий, Намитков; Долгополов (от правительства) и Д. Филимонов (от атамана). Дон последовал их примеру. После жарких дискуссий в Париже эти делегации решили вместе с РПС не выступать. Кубанская делегация раскололась: Долгополов это решение не поддержал и вышел из ее состава, двое вернулись в Россию, Быч с двумя товарищами остались в Париже и примкнули «к наиболее непримиримым и враждебным России самостоятельным организациям». Донцы столь «ярко» не бунтовали, их делегация без большого шума вернулась домой. (*Деникин А.И. Указ. соч. С. 341—343*).

17. *Деникин А.И. Указ. соч. С. 342—343*.

18. Телеграмма Правительства – Телеграмма в Париж. 3 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 161; Посол в Париже – на имя Верховного Правителя. 4 января 1919 г. // Там же, л. 135; П.В. Вологодский – Послу в Париже. 8 I. 1919 г. // Там же, л. 137. Позднее в состав Русской политической делегации был включен террорист Б.В. Савинков.

19. Сукин И.И. – Послу в Париже. 11 апреля 1919 // ГАРФ, оп. 1, д. 264, л. 39. «Работа Совещания, а также экспертов, обслуживавших его нужды, была профинансирована Госдепартаментом США за счет средств, находившихся на счетах Временного правительства. Бахметеву было отпущено 100 тыс. долларов. Позднее необходимые средства стали поступать из Омска; в руках колчаковского правительства оказался золотой запас России» (*Будницкий О.В. Указ. соч. С. 59*). Использовались средства, имевшиеся в распоряжении Земского союза. Летом 1919 г. В.А. Маклаков предлагал адмиралу Колчаку создать фонд в 25 млн фр., чтобы «дать возможность планомерно проводить работу совещания», просил перевести на покрытие его нужд с 1 марта по 1 июля 1,6 млн франков (Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. б/д // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 1—1 (об.)).

20. Избранный на Уфимском совещании в сентябре 1918 г. Председателем Временного Всероссийского правительства (Директории) Н.Д. Авксентьев после переворота 18 ноября был арестован и выслан за границу. Озвученные им публично неприятные оценки происшедшего определили самое негативное отношение Омска к идее введения Авксентьева в состав РПС, хотя, приехав в Париж, он вел себя вполне благопристойно. «Доверительно. Верховный Правитель не считает возможным официально санкционировать какое-либо поручение Авксентьеву. Со своей стороны, хотели бы Вас информировать, что корректная позиция Авксентьева и обнаруженный им патриотизм здесь вполне учитываются» (И.И. Сукин – Послу в Париже. 1 мая 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 264, л. 97).

21. Посол в Париже – на имя Верховного Правителя. 6 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 115.

22. См.: *Сазонов С.Д. Правительствам, Посольствам и Миссиям. 27 марта 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 205, л. 15; Будницкий О.В. Указ. соч. С. 58*.

23. Набоков К.Д. – П.В. Вологодскому, 16 февраля 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 225, л. 54 (об.); *Thompson J. Op. cit. P. 73*.

24. *Деникин А.И. Указ. соч. С. 345*.

25. *Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 403—405*.

26. *Ключников Ю.В. Телеграмма в Париж 17 декабря 1918 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 20—21*. Ключников добивался права представлять Россию на мирной конференции, но, не обладая должным авторитетом в правительственных и дипломатических кругах, согласия не получил и подал в отставку (см.: *Миринова Е.М. Указ. соч. С. 73*).

27. Посол в Париже – на имя Верховного Правителя. 4 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 135.

28. Посол в Англии – на имя Министра Иностранных Дел. 7 января 1919 г. //

Там же, л. 134; Посол в Англии – на имя Министра Иностранных Дел. 6 января 1919 г. // Там же, л. 136.

29. Ю.В. Ключников – в Рим. 27. XI. 1918 // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 5.

30. W. Wilson to R. Lansing. Nov. 20, 1918 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A. S. Link. Vol. 53. Princeton, 1984. P. 136 (Далее: PWW).

31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Vol. 3. Wash., 1843. P. 490, 647—648 (Далее: FRUS. PPC); *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 278.

32. FRUS. PPC. Vol. 3. P. 490—491, 504—508, 647—648, 650.

33. Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. 2 февраля 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 8; *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 305—306.

34. О конференции на Принцевых островах, причинах ее провала см. подробнее: *Thompson J.M.* Op. cit. P. 82—130; *Mayer A.* Op. cit. P. 410—449, etc.

35. Документы внешней политики СССР. Сборник документов / Комиссия по изданию: *Громыко А.А.* и др. М., 1958. Т. 2. С. 57—60; *Полнер Т.И.* Указ. соч. С. 403—405; *Д. Дэвис, Ю. Трани.* Указ. соч. С. 311—312; *Mayer A.* Op. cit. P. 433—434.

36. К.Д. Набоков – на имя Министра Иностранных Дел. 28 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 94; Бах Г.Г. на имя Министра Иностранных Дел. 2 февраля 1919 г. // Там же, л. 62.

37. См.: *Farnsworth B. William C. Bullitt and the Soviet Union.* Bloomington etc., 1967. P. 32—54; *Thompson J.M.* Op. cit. P. 222—267.

38. К.Д. Набоков – на имя Министра Иностранных Дел. 16 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 116.

39. В.А. Маклаков – на имя Министра Иностранных Дел. 2 февраля 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 8 (об); Сазонов С.Д. – на имя Министра Иностранных Дел. 14 мая 1919 г. // Там же, л. 51; С.Д. Сазонов – на имя Управляющего Министерством Иностранных Дел. 1 июня 1919 г. // Там же, л. 58; *Hankey's Notes on the Meeting of the Council of Four.* May 10, 1919 // PWW. Vol. 59. P. 14—21; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 333.

40. FRUS. PPC. 1919. Vol. 3. P. 490.

41. К.Д. Набоков – на имя Министра Иностранных Дел. 16 января 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 116.

42. PWW. Vol. 59. P. 421, 436—439; 461—465.

43. С.Д. Сазонов – на имя Министра Иностранных Дел. 27 мая 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 59.

44. С.Д. Сазонов – на имя Председателя Совета Министров. 3 июня 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 116, л. 63; *A.V. Koltchak to George Clemensau.* June 4, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 141—144.

45. И.И. Сукин – С.Д. Сазонову. 17 июня 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 56; *Hankey's Notes of a Meeting of the Council of Four.* June 12, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 467; *Штейн Б.Е.* Указ. соч. С. 243—244.

46. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. Отв. ред. Г.А.Трукан. М., 1995. С. 361.

47. Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел. б/д. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 1, 1(об.); *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 344; *Thompson J.* Op. cit. P. 76—77.

48. И.И. Сукин – Послу в Париже. 13 марта 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 17; Телеграмма из Министерства Иностранных Дел – Послу в Париже (для С.Д. Сазонова). 24 января 1919 г. // Там же, л. 111.

49. С.Д. Сазонов – на имя Управляющего Министерством Иностранных Дел (для Председателя Совета министров). 14 марта 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 264, л. 110.

50. *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 346—348.

51. Посланник в Афинах – на имя Управляющего Министерством Иностранных Дел. 16 июня 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 264, л. 70.

52. *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 344—345.

53. From A.F. Kerensky and Others to W. Wilson. May 14, 1919 // PWW. Vol. 59. P.150—156; W. Wilson to J.P. Tumulty. May 16, 1919 // *Ibid.*, P. 189.

54. Посол в Париже – на имя Управляющего Министерством Иностранных Дел.

ИСТОРИЯ

28 июня 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 264, л. 41; Советник посольства в Париже (Базили) – на имя Верховного Правителя. 31 июля 1919 г. // Там же, л. 30; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы Гражданской войны (Материалы для истории русской общественности в 1917-1925 гг.). Париж, 1929. С. 129—130; *Миронова Е.М.* Указ. соч. С. 75—76.

55. *Миронова Е.М.* Указ. соч. С. 76—77. Документы Русской политической делегации касались как течения Гражданской войны в России и поддержки западом антибольшевистских сил (признание Колчака, охраны Сибирской железной дороги, снабжения армии генерала Е.К. Миллера, и др.), так и защиты интересов России в делах международных (среди прочих – заявление о русском военном имуществе в Германии, по балтийской и бессарабской проблеме).

56. С.Д. Сазонов – на имя Министра Иностранных Дел. 29 июля 1919 г. // ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 265, л. 142.

57. *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 348.

58. *Ключников Ю.В.* – в Париж. 17 декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. 200, Оп. 1, д. 263, л.20 (об) - 21.